

"Красный граф" и операция "Колдун". Шпионский роман

Кондратьев Анатолий

Анатолий Кондратьев

**«Красный граф» и операция
«Колдун». Шпионский роман**

«Автор»

2023

Кондратьев А. В.

«Красный граф» и операция «Колдун». Шпионский роман /
А. В. Кондратьев — «Автор», 2023

Увлекательный шпионский роман. Читатель встретится вновь со своими героями из I части «Операция Aurora Borealis» штабс-капитаном Артемьевым и поручиком Арцыбашевым. Десятилетия спустя Артемьеву, теперь уже полковнику СМЕРШ, придётся столкнуться в противостоянии с глубоко законспирированным агентом Абвера в знакомых ему местах на Кольском полуострове.

© Кондратьев А. В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

«КРАСНЫЙ ГРАФ»	5
Алексей Арцыбашев	12
Франция, Париж 1924 – 1925 годы	21
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анатолий Кондратьев "Красный граф" и операция "Колдун". Шпионский роман

**«КРАСНЫЙ ГРАФ»
Москва, 20 декабря 1977 года**

– голубчик, притормозите пожалуйста здесь, – попросил 92-летний старик водителя.
Чёрная «Волга» плавно остановилась напротив величавого, но довольно хмурого здания.

Фото из открытых источников Сети, права на которое никем не заявлены

– что случилось, дед? Ты плохо себя чувствуешь? – с тревогой спросила его красивая, статная, двадцатитрехлетняя блондинка, сидевшая в салоне рядом на заднем сидении.

– да нет-нет. Не беспокойся, милая. Всё в порядке. Так, ... воспоминания.

– точно, деда? Ты меня не обманываешь? – женщина заботливо поправила шарф и отвороты генеральской шинели.

– ну что ты, право, со мной, как с ребёнком, – деланно недовольным голосом произнёс Сергей Николаевич Артемьев, – постоим минут пять-десять, это ведь не возбраняется? – Вопрос был адресован уже водителю.

– как прикажете, товарищ генерал, – повернувшись вполоборота, к сидящим на заднем сидении, с улыбкой ответил бравый сержант, на васильковых погонах которого «золотом» отливали буквы «ГБ».

Неделю назад в Ленинградской квартире Артемьева С.Н. раздался телефонный звонок. С трудом поднявшись из кресла-качалки, где он до этого дремал, Артемьев неторопливо прошествовал к телефону и поднял телефонную трубку. Приятный, вкрадчивый, интеллигентный мужской голос на том конце трубки поинтересовался:

– простите пожалуйста, это квартира генерал-полковника Артемьева?

– Артемьев слушает. Чем могу быть полезен?

– Сергей Николаевич, добрый день. Это приёмная Председателя КГБ СССР Андропова. Не кладите, пожалуйста трубку. С Вами будет говорить Юрий Владимирович.

Вот, таким образом, Артемьев в сопровождении внучки и оказался в Москве, приглашённый Председателем КГБ СССР на юбилейное празднование 60-летия ВЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ. И сейчас перед торжественным вечером на Лубянке, куда его везла из аэропорта машина, он остановился напротив здания, на Кузнецком мосту, 24, на парадной двери которого красовалась вывеска «Приёмная КГБ» и аккуратное, золотом по-чёрному объявление: «Приём граждан круглосуточно».

В голове старого генерала калейдоскопом промелькнули воспоминания, и он вдруг ясно увидел себя молодым, когда в 1924 году входил в это здание с направлением, подписанным самим Феликсом Эдмундовичем Дзержинским – всеильным и всемогущим Председателем Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем (ВЧК), первой советской секретной специальной службой.

Отгремели фанфары, были произнесены соответствующие случаю торжественные протокольные речи, прошло чествование ветеранов и героев советской контрразведки, словом, прошло всё то необходимое, что полагалось в подобных случаях.

Артемьева этот «протокол» порядком утомил, что не удивительно. Всё-таки 92 года, что ни говори. А это – возраст! Сославшись на нездоровье, извинившись, что не остаётся на торжественный ужин, он попросил внучку сопроводить его в гостиницу «Пекин», где в одном из крыльев комплекса, в то время принадлежавшем всеильному ведомству КГБ СССР, ему был забронирован люксовский номер.

Всю дорогу в «Пекин» Светлана восхищённо щебетала в салоне всё той же «Волги» с всё тем же молодцеватым водителем-сержантом с буквами «ГБ» на васильковых погонах, прикреплённым к генерал-полковнику на время его пребывания в Москве:

– дед, восхитительно! ... Столько знаменитостей, ...Брежнев, Андропов, Суслов! Столько генералов, невероятно! И я их так близко видела...Ну, деда же, ну представляешь, Брежнев на расстоянии вытянутой руки был от меня и даже посмотрел мне в глаза. А Андро-

пов, Андропов-то, как он с чувством жал твою руку, и столько тёплых слов наговорил... Какой же ты герой, дед!

– да уж, мишуры было много, – усмехнулся генерал.

Фото из открытых источников Сети, права на которое никем не заявлены

В гостинице Артемьев заказал в номер ужин и графинчик водки. На протест внушки, что водка-де будет лишней, досадливо отмахнулся.

– Ах, оставь девочка моя, ...я тебя умоляю..., во-первых, водка лишней никогда не бывает – рассмеялся он – и, кроме того, она мне сейчас просто необходима. Старость, знаешь ли, ...кровь уже не греет. Вот её и необходимо разогнать... Вдохнуть жизнь в дряхлеющее тело, так сказать.

В большом и, по-советски, аляповатом номере-люкс гостиницы «Пекин» после ужина старый генерал-полковник Артемьев утомлённо откинулся на спинку довольно уютного дивана. Светлана заботливо укутала его тёплым пледом, – из оконных щелей большого гостиничного номера, изрядно поддувало. За окном не на шутку расходилась декабрьская московская метель.

– Света, принеси-ка мне ещё одну, ...последнюю, ...последнюю на сон грядущий рюмку водки. Сегодня позволительно. Юбилей, всё-таки. – Попросил внушку Артемьев.

– дед, – присела рядом с генералом его прелестная внушка, – а расскажи о себе, своей молодости, ну хоть что-нибудь. Ты прожил такую долгую и наверняка, интересную жизнь. Столько повидал на белом свете. Ну, деда, ну расскажи, ...ну прошу тебя?!

– а что Светик?! А, пожалуй, и расскажу. Сейчас, перед лицом вечности, перед тем, как предстать перед Всевышним, пожалуй, я тебе исповедуюсь, – рассмеялся Артемьев – присаживайся рядом и слушай своего деда.

Светлана нежно прижалась к деду, склонила голову на его плечо и приготовилась слушать.

В голове старого служаки от принятого внутрь алкоголя мысли слегка путались. Пере-скакивали с одной темы на другую. Но спустя десять минут приняли вполне определённое направление. Словно машиной времени он был перенесён в начало двадцатого века, во времена своей молодости.

Старый генерал начал своё повествование.

С момента прибытия Артемьева с фронта в феврале 1917 года он, выбирая время, навещал своего нового друга и соратника по операции обезвреживания германского резидента фон Кнабенау на Кольском полуострове (смотри первую часть дилогии-детектива «Операция «Северное сияние»») поручика Алексея Сергеевича Арцыбашева, проходившего домашнюю реабилитацию после тяжёлого ранения, полученного в ходе той операции.

Петроград. 1917 – 1918 годы

После успешной операции по нейтрализации германского резидента фон Кнабенау на Кольском полуострове в январе 1917 года штабс-капитан Артемьев был откомандирован на Северо-Западный фронт, где 12-я русская армия начала наступление с Рижского плацдарма и застала врасплох 10-ю германскую армию, которая попала в катастрофическое положение.

Однако, уже в феврале он был отозван в распоряжение начальника разведывательного отделения Главного управления Генерального штаба Петроградского военного округа. Там создавалась особая группа, состоящая из опытных контрразведчиков для борьбы с германским шпионажем в столице Империи.

Февральские события 1917 года и последовавшее в марте того же года отречение от престола государя словно обухом по голове поразили честного русского офицера Артемьева, верой и правдой служившего своему отечеству.

Он словно потерял жизненные ориентиры. Империя, которая ещё вчера казалась нерушимой, несокрушимой и стабильной, рухнула в один момент. Как такое могло случиться? Что было причиной краха? Ведь военные успехи России на фронтах были очевидны и не оспоримы.

– Суди сама, Света – развёл сокрушённо руки генерал КГБ Артемьев – в 1916 году в ходе внезапного наступления русской армии был осуществлён, так называемый Луцкий прорыв на Юго-Западном фронте, названный впоследствии Брусиловским. Название Луцкий в большей степени соответствовало традициям русской армии называть наступление по месту его проведения, но и «Брусиловский» также правильно, так как главный замысел плана был именно его, Алексея Алексеевича. Германская и австро-венгерская армии понесли сокрушительные потери – более полутора миллионов человек убитыми, ранеными и пленными, для них это было настоящей катастрофой. Русской армией были заняты Буковина и Восточная Галиция. Австро-Венгрия оказалась на пороге полного разгрома. Успеху нашей армии в немалой степени способствовало и то, что царь, как Верховный главнокомандующий, единственный из высшего генералитета, кто поверил в полководческий талант Алексея Алексеевича Брусилова. Тот предложил не совсем обычный на тот период времени план наступления – вопреки общей практике, при наступлении сосредотачивать главные силы в кулак, что в общем-то логично, он задумал атаковать одновременно четырьмя армиями фронта, находящегося под его управлением и растянутыми по всей линии более чем на сто километров. Таким образом противник, не зная точно, где будет нанесён главный удар, расплыл свои силы по всему протяжённому фронту, которых, по сравнению с нашими было и так меньше.

Таким образом, авторитет Верховного, то есть Царя взлетел на высочайший уровень. И тут, вдруг, ни с того, ни с сего государь отрекается от престола, слагает с себя монаршие обязанности. Что подвигло его на это? Помутнение рассудка? Угрозы? Какие-то компрометирующие материалы на него и семью?

Офицеры штаба и контрразведки не верили в это, так называемое, добровольное отречение императора. В частных беседах между собой, анализируя совокупность сведений, поступающих из различных источников, включая внутреннюю агентуру как собственно самой контрразведки, так и секретных агентов жандармского управления, пришли к однозначному выводу – события февраля 1917 года были далеко не стихийным выступлением народных масс, а явились государственным переворотом в результате заговора элит. Иными словами, это была ИЗМЕНА!

Позднее, годы спустя, историкам станут доступны материалы, подтверждающие те выводы грамотных аналитиков Российского Генштаба.

– подай-ка Светик, мой кондуит, ...ну ты видела его, такой толстый, тёмно-коричневый, ...в портфеле у меня, – обратился к внучке генерал Артемьев. Спустя несколько минут, перебирая страницы толстой записной книжки, он посмеиваясь пробормотал – вот, вожу постоянно с собой и записываю умные мысли. Может сподоблюсь, когда на мемуары. Ну вот, нашёл. Вот собственные слова Председателя Государственной думы и лидера партии «октябристов» Гучкова, которого ещё называли отцом февральской революции, а после, в феврале 1917 г. – военного и морского министра Временного Правительства. Вот, изволь:

“Осенью 1916 года родился замысел о дворцовом перевороте, в результате которого государь был бы вынужден подписать отречение с передачей престола законному наследнику”. – Ну и как тебе? Как тебе это нравится? – генерал опустил руки с блокнотом и с вопросительно взглянул на внучку. Не ожидая ответа Светланы, продолжил – Ведь не стесняется же негодяй. Прямо-таки открыто признаётся в измене ...

– Дед, а откуда у тебя эти собственные записи Гучкова? Ведь в открытой печати, в библиотеке их не найти?

– Старик рассмеялся, – ну, ты не забывай, кто твой дед, как-никак, генерал Госбезопасности. Да, сейчас открыто их не публикуют, но, поверь, придёт время и государственные архивы откроют и тогда все узнают настоящую правду о Феврале 1917 года, всю правду об истинных изменниках. Вот увидишь. Думаю, это случится ещё при твоей жизни. ... Но продолжим, – генерал вновь уткнулся в свой кондуит и продолжил читать слова Гучкова –

– *«Заговор поддерживали, и генералы из Ставки Верховного Главнокомандования (начальник штаба Ставки генерал М.В. Алексеев) и высшее командование фронтов (Командующий армиями Северного фронта генерал Рузский Н.В., Командующий армиями Западного фронта генерал А.Е. Эверт, командир 25 –го армейского корпуса Особой армии генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов) и другие видные генералы. Целью заговора был захват власти в России под лозунгами введения конституции и создания «народного правительства».* – генерал закрыл записную книжку и возмущённо обратился к благодарной слушательнице –

– представляешь, даже не стесняется – «целью заговора был захват власти в России», называет всё своими именами ... «заговор», ... «захват власти» ... Ну а дальше всё уже всем известно. Далее Начальник Штаба Ставки, тоже, кстати изменник, генерал Алексеев объявил Николаю II о его аресте. Ну и тогда же монарх, якобы издал прощальный приказ войскам, в котором завещал сражаться до победы и повиноваться Временному правительству.

– Вновь обратившись к своему кондуиту, поковырявшись в закладках, он наконец открыл нужную страницу и прочёл Светлане:

– якобы, последними словами приказа, теперь уже бывшего Верховного были:

“...Кто думает о мире, кто желает его – тот изменник Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же Ваши долг, защищайте доблестную нашу Великую Родину...”

...Твёрдо верю, что не угасла в Ваших сердцах беспредельная любовь к нашей Великой Родине. Да благословит Вас Господь Бог и да ведёт Вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий. 8 марта 1917 года. Ставка. Николай.” – Вот. Ну а дальше маховик событий, потрясших Россию, стал набирать обороты. Что-то у заговорщиков пошло не так. Потому что уже в октябре того же года в результате вооружённого восстания было свергнуто Временное правительство и к власти в конечном итоге пришли большевики. Всё. Империя окончательно рухнула!

– Генерал отложил в сторону кондуит и продолжил своё повествование:

Алексей Арцыбашев

Выздоровление Алексея Арцыбашева шло успешно. Он поправлялся и с каждым днём чувствовал себя всё лучше и лучше. Этому способствовала и та забота отца, которой Арцыбашев-старший окружил сына, и внимание его новых боевых товарищей – армейских офицеров. Всё самое лучшее для Алёшеньки. Продукты – только с рынка, только самые свежие. Но по мере наступления смуты делать это становилось всё труднее. Цены на всё росли как на дрожжах. Но пока профессорского жалования вполне хватало.

Алексей стал уже выходить на воздух и совершать непродолжительные прогулки. Но дни шли за днями и постепенно время нахождения на воздухе увеличивалось и прогулки становились всё длиннее. Все тревожные события тех «окаянных дней», как охарактеризовал их писатель Иван Алексеевич Бунин проходили на его глазах. Он стал их непосредственным свидетелем.

Он видел всё те же манифестации, что и в 1905 году. Те же восторженные лица студентов, обывателей и даже офицеров с красными бантами на груди. Слушал неистовые речи ораторов на площадях Петрограда и только одна горестная мысль свербела у него в голове:

– Господи! История ничему не учит людей. Всё в этом мире повторяется. Не прошло и пятнадцати лет после кровавых событий 1905 года и Россия опять скатывается в пучину крови. Только теперь, пожалуй, это будет ещё страшнее и более кровавей. Господи, помоги этой многострадальной стране! Вразуми людей ея! Не остави их своей милостью!

Постояв и послушав очередного оратора, судя по всему, из эсеров, уж очень была знакома терминология, манера выступления и пафосность речи, он почувствовал физическую дурноту.

Ему показалось, что он даже почувствовал во рту стальной привкус крови, как когда-то в 1905 году, когда молоденьким студентом стал свидетелем покушения. Он опять, словно увидел ту окровавленную женщину, сидящую на земле и опиравшуюся спиной на стену дома с бесстыдно раскинутыми ногами. Арцыбашев отчётливо видел её широко распахнутые мёртвые глаза, устремлённые в никуда.

Подавив рвотные позывы, Алексей развернулся и быстро зашагал в сторону дома. Не по сезону холодный мартовский ветер поднимал с булыжной мостовой позёмку мелкой снежной крупы и швырял её в лицо поручика.

А дома его ждал сюрприз. В гостях у Арцыбашевых был его друг штабс-капитан Артемьев. Когда Алексей вошёл в гостиную, Артемьев с отцом Алексея сидели за столом и перебирали кучу газет, обмениваясь репликами о текущих событиях.

Увидев друга Артемьев вскочил со стула и распахнув объятия, горячо обнял Алексея.

– давненько ты у нас не был, ...постой-постой, пожалуй, уже месяц как не заглядывал к нам. Что, дела в Штабе? ...Папа, у нас там осталась ещё водка? Сейчас бы не помешало пропустить по рюмке...Продрог до костей. Это не март, а прямо декабрь, или январь какой-то....

– сейчас-сейчас, Алёшенька, ...сейчас принесу, – старший Арцыбашев засуетился и засеменил к буфету. Вернулся с графинчиком «Смирновской» и двумя рюмками на подносе – сейчас закусочки соображу. ...Между прочим «Смирновскую» по случаю достал!

– а чего только две рюмки, а себе? – вопросительно вскинул голову сын

– да что-то нездоровится мне нынче, ...погода, наверное.

Алексей разлил водку по рюмкам, -

– ну, за встречу! – И друзья со вкусом выпили, крикнув от удовольствия.

– ну чего без закуски-то? – недовольно пробурчал профессор, – у нас там балычок ещё остался, подождите, я мигом...

Арцыбашевы жили скромно. Времена нынче были тяжёлые. Война! Смута и неразбериха. Прислуга была приходящая и сейчас домработницы Аннушки, как её ласково называли в этой семье, дома не было. Приходилось всё делать самим.

Друзья расположились за столом с ворохом сегодняшних газет, которые до прихода Алексея просматривали Артемьев со старым профессором.

– ну, теперь буду бывать у вас чаще, – с ироническим смешком сказал Артемьев.

Арцыбашев вопросительно посмотрел на друга ...

– подал сегодня прошение об отставке. Всё, не могу больше.

Брови Алексея удивлённо взлетели вверх, и он молча посмотрел на друга, ожидая продолжения.

– Армию, ну а значит и Вашего покорного слугу, обязали присягнуть Временному правительству.

– вот, изволь полюбоваться, – Артемьев вынул из нагрудного кармана сложенный вчетверо лист бумаги. Развернул его и протянул Алексею.

– приказ по гарнизону. Читай-читай. Давай вслух.

– такого надругательства над честью я терпеть не намерен. Поэтому сегодня написал прошение об отставке и подал по инстанции. Я – русский офицер и присягал на верность России и Государю Императору. Теперь мне говорят, что я должен изменить своей присяге и вновь поклясться в верности какому-то там Временному правительству, собранному из проходимцев и, я уверен в этом, вынудивших Государя, отречься от престола. От меня они этого не дождутся.

– нооо, Сергей, ...но ведь Война, ... как же так?

– нее знаю, Лёша. Не-ее знаю. Всё рушится, ... решительно всё на глазах рушится. Создаются какие-то солдатские комитеты. Отменяют приветствие офицеров отданием чести. Теперь возможно ОБСУЖДАТЬ ПРИКАЗЫ, как тебе это нравится?! Они будут ОБСУЖДАТЬ, видите-ли, наступать нам или нет. Бред какой-то. Армия разваливается. Фактически, её уже нет.

– но как же так? Ведь надо что-то делать...А контрразведка? Вы, ... мы, ...как мы могли проморгать все эти события? Куда мы, контрразведка, смотрели и что делали, чтобы пресечь это на корню? Я Вас спрашиваю, господин штабс-капитан...Извольте объясниться!

Двери гостиной открылись и в комнату вошёл старый профессор с подносом, на котором скромно расположились корзиночка с хлебом и тарелки с неприхотливой закуской. Поставив его на стол, он вопросительно посмотрел на друзей и поправив на лице пенсне, обеспокоенно спросил:

– что тут у вас за шум? Почему повышенные тона? Что случилось?

– да вот, отец, изволь полюбоваться, – широким жестом Алексей показал на Артемьева, – господин штабс-капитан, видите ли, изволили уйти в отставку. В отставку! В такое тяжёлое для страны время.

– что случилось, Сергей Николаевич? – обеспокоился старший Арцыбашев.

– дааа, – досадливо махнул рукой Артемьев, – Алексей, да не рви ты мне душу. Без тебя, дружище, тошно. Дай-ка, – Артемьев отобрал из рук Алексея вчетверо сложенный лист бумаги, развернул его и протянул Арцыбашеву старшему – вот-с, извольте полюбоваться. Это приказ по гарнизону. Читайте-читайте! Давайте вслух – профессор начал шарить по жилетке, ища пенсне, но Алексей порывисто подошёл и принял у него бумагу и вслух прочёл чётко отпечатанный текст:

Клянусь ч
совѣстью быть в
Клянусь служит
сѣйскаго Государ

Фото из открытых источников, права на которое никем не заявлены

– вот так-то, – с горечью продолжал Артемьев – ... «обязуюсь повиноваться Временному правительству» ...как Вам это нравится, господа?

Артемьев, взял графин с водкой и разлил по рюмкам. С досадой и злостью «махнул» свою и вновь налил.

Профессор зашаркал к буфету. Достал оттуда третью рюмку и вернулся к столу.

– пожалуй, и я с вами выпью. Похоже, что это необходимо нам всем. Сергей Николаевич, голубчик, успокойтесь и ... давайте всё обстоятельно, ...по порядку.

Друзья молча выпили, ...Артемьев, наклонившись вперёд, устало оперся на руки, сложенные по-ученически на столе, и начал рассказывать. ...Он говорил и говорил, рассказ был долгий и тревожный. А в лице отца и сына Арцыбашевых он нашёл благодарных слушателей.

– ... в Петрограде не зря собрали лучших представителей контрразведки, к коим отнесли и вашего покорного слугу, – продолжал он после описания общей обстановки в стране и на фронтах, – столица буквально наводнена германской агентурой, мы фиксируем интерес к особо секретным разработкам наших инженеров, к новым моделям воздухоплавательных аппаратов, например, нашего изобретателя Игоря Сикорского, к чертежам новых двигателей подводных лодок и ко многому ещё чему. Недавно предотвращена диверсия на Путиловском заводе. Вскрыто гнездо германской резидентуры в компании «Зингер». Офицеры контрразведки с ног сбились, недосыпают. Но это, по большому счёту, всё мелочи, когда ИЗМЕНА, на самом деле, в самых, что ни на есть, верхах. И что, позволю вас спросить, нам, то есть, контрразведке делать? Кому докладывать, испрашивая санкцию на арест? Самим же изменникам? То есть, они должны выписать ордера на самих себя? ...Смешно, господа, ...Да-с, было бы смешно, если бы не было так грустно. В числе заговорщиков все крупные военачальники и члены, так называемого, не ко сну будет помянуто, Временного правительства. Да что там, ...если члены императорской фамилии входят в число заговорщиков. Как ни удивительно, но кроме германского шпионажа, мы фиксируем большую активность наших союзников по Антанте. Особенно, британцев. Зашевелились, сволочи. Чувствуют, что дело идёт к развязке и скоро войне конец. Теперь им Россия не нужна. Была нужна, когда нужно было спасти их от разгрома под Верденом, когда чуть не пал Париж. Вот тогда русской кровушки не жалко. Вот тогда они слёзно умоляли об организации хоть какого-то наступления, лишь бы оттянуть десяток германских дивизий с западного фронта. Тогда можно было обещать царю «золотые горы». Мы, де, после победы отдадим России проливы Босфор и Дарданеллы. Ах, Константинополь хотите? Да берите, не жалко...Он ваш. А теперь, когда победа очевидна, надо бы Россию как-то отодвинуть. Пусть она будет разгромлена или, даже, с бошами примирится...чёрт с ним, ... мы теперь и сами справимся, без России. И всё только лишь затем, чтобы не выполнять обещание и не допустить Империю в Малую Азию, не отдавать ей, не дай бог, проливы. Ведь это удар по британскому могуществу. Вот и мутят господа англосаксы, интриги и козни строят. По нашим данным, именно они стоят за этим, так называемым, отречением.

Вот, извольте господа, ... вот то, что, буквально сегодня легло на стол нашему начальству. Всё-таки в армии остались ещё честные офицеры и генералы, -

Артемьев достал из правого нагрудного кармана сложенную бумагу. Развернул и вслух прочёл:

"Для распространения среди господ офицеров.

Командирам Кавалерийских Корпусов и Начальникам Кавалерийских Дивизий. 5 марта 1917 г. Действующая армия.

Переворот, произведённый кучкой людей, добивавшихся власти под флагом забот о действующей армии, как теперь выяснилось, давно готовился ими.

Для этой цели ими искусственно вздувались при помощи земств и городов цены на хлеб и прочие продукты; принимались все меры к расстройству транспорта, увеличению преступной спекуляции и пр., и пр.

Все это творилось под флагом: "Всё для армии" и "Война до полной победы". Благодаря этому Армия, далёкая от мысли о назревающей измене и занятая выполнением своего священного долга перед Царём и Родиной, зачастую была не в силах разобраться в причинах и, видя лишь следствия, принимала за чистую монету все речи, произносимые в Думе.

Из боязни, что победа, которая предвидится этим летом, ещё больше поднимет в войсках любовь к Царю, они воспользовались моментом и теперь, когда все войска особенно привязаны к фронту, с помощью невоюющих войск произвели переворот, прикрываясь именем Действующей армии.

Мы не знаем, под каким давлением произошло мнимое отречение нашего Монарха. Здесь ведь возможен и подлог, и принуждение, чего можно ожидать от изменников. К Вам, верные сыны Отечества и верные слуги Царя, обращаюсь я с этим призывом.

Не присягайте никому другому.

Вы, стоящие перед лицом смерти, бойтесь в эту минуту слову изменить, слову присяги, дабы не предстать перед Вечным Судьёй с печатью Иуды на челе.

Коленопреклонённо, всеподданнейше молим нашего обожжаемого Монарха взять свой отказ обратно, заверяя, что только преступники могли поднять в такую минуту бунт". («Воззвание к офицерам Русской армии» historical-fact.livejournal.com)

– ... а контрразведке, то есть, нам было приказано найти и наказать тех, кто это воззвание соорудил. Все остальные дела не важны, их можно бросить. А найти и наказать честных офицеров!

– ну, а вы, ... в смысле, контрразведка, что вы решили? Я имею в виду и тебя и твоих сослуживцев, Серёжа? – взволнованно спросил профессор. Старый интеллигент не заметил, как от волнения перешёл на "ты" с Артемьевым.

– ну-уу, что мы, ... ах, Сергей Николаевич, ну что Вы, право, глупости спрашиваете? Конечно же, никто этим заниматься не будет. Мало того, мы это воззвание запустили дальше.

И я, приняв решение о невозможности продолжать службу под управлением нового правительства, только лишь последовал примеру многих других честных командиров. Через наши возможности мы получили данные с фронтов о том, что, например, «командир 3-го Таманского полка Кубанской казачьей дивизии граф М. П. Граббе, в прошлом блистательный полковник-кавалергард, узнав о новой присяге, подал в отставку. Директор Донского кадетского корпуса, одного из лучших в императорской России, генерал-лейтенант П.Н. Лазарев-Станицев сделал заявление о невозможности переприсягать перед строем своих воспитанников-кадетов, заявив, что он присягал Государю и больше никому присягать не намерен.

Отказались это делать и представители старой русской аристократии – генерал-адъютант князь В.А. Долгорукий и генерал-адъютант граф И.Л. Татищев.

Прославленный командир III кавалерийского корпуса, «золотая шайка России», как называют его в армии, генерал от кавалерии граф Ф.А. Келлер отказался признать факт «отречения» Государя и присягать Временному правительству.

До конца остался верным присяге, данной Государю, генерал от кавалерии П.К. фон Ренненкампф.

Генерал-адъютант Гусейн Али Хан Нахичеванский. Единственный в нашей российской истории генерал-адъютант – мусульманин по вероисповеданию. Хан Нахичеванский отказался признать Временное правительство и послал телеграмму Императору Николаю II с выражением своей преданности. По приказу генерала Брусилова Али Хан отстранён от командования.

Выдающийся полководец этой войны генерал Н.Н. Юденич, пока ещё командующий Кавказским фронтом, в ответ на призыв заговорщиков заставить Государя отречься от престола, подготовил телеграмму в его поддержку, но наместник на Кавказе Великий князь Николай Николаевич не подписал её, отправив Царю позорную просьбу об отречении».

(«Генералы и офицеры, верные присяге Царю» historical-fact.livejournal.com)

Так что, господа, как видите, я не одинок в своих убеждениях. Так-то вот. –

Угрюмо закончил штабс-капитан и не спрашивая разрешения, налил себе рюмку и одним махом опорожнил её.

– ну, и что теперь будет? – Подал голос Алексей, – что теперь будет с тобой, после твоего рапорта? Ты думаешь, это сойдёт тебе с рук?

– Аааа, – беспечно махнул рукой Артемьев, – как говорить, «делай, что должно, а там – будь, что будет». «Живы будем, не помрём!» – закончил он, уже на мажорной ноте, – ну что, засиделся я у вас тут. Вижу, Алексей, что поправляешься. Но ты в строй пока не торопись. Видишь же сам, что творится кругом. Пойду я, пожалуй. Да, кстати, Вы уж извините, Сергей Николаевич, но водка дрянная. Между нами, это не «Смирновская» ...надули Вас в магазине.

– а позвольте спросить, господин штабс-капитан, Сергей Николаевич, – это уже старый профессор спрашивал, – а куда Вы собрались, на ночь-то глядя. Где ночевать собрались, я Вас спрашиваю? Вы ведь, насколько мне известно, дома своего в Петрограде не имеете. Да что там дома, у Вас и квартиры тут нет. Вы же при штабе жили. А после Вашего демарша, где жить собираетесь? ...Так что, не выдумывайте. Оставайтесь у нас. Уж для Вас-то место у нас всегда найдётся.

– признаться, господин профессор, я несколько смущён и обескуражен... Ваша правда. Ночевать мне негде. Поэтому с благодарностью принимаю Ваше предложение.

– ну-с, вот и славно, молодой человек, вот и славно.

«Есть месяцы, отмеченные Роком

В календаре столетий

»

К большому изумлению штабс-капитана Артемьева, отставка его была принята, прошение было удовлетворено. Резолюция начальства была лаконичной – «УДОВЛЕТВОРИТЬ». В душе Сергей Николаевич даже обиделся, вот так просто – «удовлетворить» и всё. Он был готов к любому развитию событий, – ну там, уговоры, запугивание, может быть даже арест. Но вот так просто, ...удивительно! Какие резоны подвигли руководство контрразведки на то, чтобы отпустить опытного офицера на «вольные хлеба», не известно. Но, дело сделано и надо было жить дальше. А как жить – непонятно. Ведь кроме воинской службы Артемьев ничего делать не умел, а надо было существовать и добывать «хлеб насущный». Выручил опять профессор Арцыбашев. Ему в лабораторию нужен был ассистент. Деньги не большие, худо-бедно, но на хлеб хватит.

Дни шли за днями. Миновало лето. Семнадцатый год шёл к завершению, к своему логическому концу, а конец этот был страшен.

Наиболее полно, по мнению автора, эмоциональное описание тех дней семнадцатого, трагического для России года, содержится в стихотворных строчках русских поэтов, например, таких как Максимилиан Волошин (1877 – 1932, Коктебель):

«С Россией кончено... На последях

Её мы прогальдали, проболтали,

Пролузгали, пропили, проплевали,

Замызгали на грязных площадях,

Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик, да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.»
Марина Цветаева (1890-1941, Елабуга):
РЁВ ВОЛН...

«Ночь. – Норд-Ост. – Рёв солдат. – Рёв волн.
Разгромили винный склад. – Вдоль стен
По канавам – драгоценный поток,
И кровавая в нем пляшет луна.»
Владимир Петрушевский (1891 – 1961, Сидней):
НОВЫЙ 1918 ГОД

«Год наступает голодный,
В центре России война,
Стонет от власти "народной"
Наша родная страна.
В зареве грозных пожаров
Тени шакалов снуют,
Дикие банды вандалов
Цепи России куют.
Подняли брата на брата
Вихри безумных идей,
Отдана щедрая плата
Замыслу кучки людей.
Грёзы о счастье в тумане,
Стонет и плачет народ –
Он получил "на экране"
Хартию русских свобод.»

Закончился 1917 год, наступил тревожный и голодный 1918-й. Артемьев и Арцыбашевы еле-еле сводили концы с концами. В отдельные дни случалось, что даже голодали. Жизнь в Петрограде становилась невыносимой. Начались репрессии в отношении бывших офицеров. Новая власть «выкорчёвывала» возможную «пятую колонну», всех тех, кто по её мнению мог «воткнуть нож в спину народа». Офицеры бывшей императорской армии и флота сплывались в различного рода сообщества, типа «Союз офицеров армии и флота», «Союз воинского долга», «Союз казачьих войск».

Уже потянулись на юг России разрозненные группы офицеров. Там, на Дону и Кубани под предводительством генералов Корнилова, Алексева, Деникина формировалась армия «несогласных» с Советской властью. Зарождалось Белое движение.

Сергей Артемьев и Алексей Арцыбашев для себя однозначно решили, что в начинающейся Гражданской войне они участия не примут. Единственным выходом для них было – эмиграция за границу. Но пока на просторах Европы ещё полыхала война, границы воюющих государств были закрыты. Тем не менее, в преддверии окончания войны они вместе со старым профессором, переехали в Финляндию, где в Рованиemi, вблизи от Шведской границы, сняли недорогое жильё.

Наконец, 11 ноября 1918 года война, которую в те годы называли Великой, завершилась. Великая война, принёсшая неисчислимое горе, исковеркавшая сотни тысяч человеческих судеб, унёсшая десятки миллионов жизней ЗАКОНЧИЛАСЬ! Четыре великие империи: Российская, Германская, Австро-Венгерская и Османская прекратили своё существование. Мир стал другим.

Тайными контрабандистским тропами Арцыбашевы и Артемьев перешли Шведскую границу и затерялись на просторах Европы, постепенно приходящей в себя после ужасов прошедшей войны.

Франция, Париж 1924 – 1925 годы

Чудесная встреча, изменившая жизнь

Июль 1924 года в Париже был особенно жарким. Солнце так и палило, жарило, обжигало. Казалось, природа задалась целью изжить всё живое в большом, шумном городе, выжечь его дотла. Люди на улицах искали уютные тенистые места. Только бы спрятаться от безжалостных лучей, которые плавили не только мостовые, но и, казалось, мозги парижан. Под тентами многочисленных кафе, двери и окна которых были распахнуты настежь, было не протолкнуться. Все места за столиками на открытом воздухе были заняты. Красивые дамы в лёгких летних платьях и сопровождающие их кавалеры, по большей части в белых парусиновых костюмах, которым посчастливилось занять места за столиками, наслаждались прохладительными напитками и холодным мороженым. Покидать насиженные места никто, впрочем, не торопился. Было послеобеденное время, которое в соседней Испании называлось одним красивым словом «сiesta», подразумевающее ничегонеделание, полное расслабление и, возможно, у кого получится, дрему в прохладной тени.

На плетёном стульчике одного из таких кафе на проспекте Матиньон вблизи городского парка в VIII округе Парижа в расслабленной позе дремал водитель такси. Его старенький, изношенный «Рено» с откидным верхом стоял чуть поодаль под густыми, тенистыми кронами каштана, примерно в 15 метрах от кафе.

В этом зрелом, худом, измождённом мужчине с трудом можно было угадать некогда молодцеватого, подтянутого штабс-капитана Артемьева. Сергей Николаевич явно не «жировал». Весь его облик говорил о нужде, бедности и хроническом недоедании. В те трудные годы многие бывшие офицеры, некогда БЫВШЕЙ ВЕЛИКОЙ ИМПЕРИИ, вышвырнутые из неё бурей прошедших революций и Гражданской войны, трудились во Франции простыми таксистами. Гостеприимная Третья Республика широко распахнула свои объятия для всех «бывших»: бывших фрейлин и царедворцев, бывших генералов и адмиралов, бывших офицеров уже несуществующей Российской империи. Париж, Ницца в те годы были наводнены беженцами из России. Вот, например, что писал Александр Вертинский о «русском Париже» тех лет:

«Обессиленная продолжительной войной Франция нуждалась в мужском труде, ибо война унесла многих её сынов в могилу. Мужские руки ценились. Десятки тысяч русских эмигрантов работали на заводах Рено, Ситроена, Пежо и других. Много людей «сели на землю» и занимались сельским хозяйством – и собственным, если были средства, и чужим, если приходилось наниматься.

Всего во Франции русских было, вероятно, тысяч двести – триста. В Париже нас было тысяч восемьдесят. Но мы как-то не мозолили глаза. В этом колоссальном городе мы растворялись как капля в море. Через какой-нибудь год мы уже считали себя настоящими парижанами. Мы говорили по-французски, знали все, что творится вокруг нас, всюду работали с французами бок о бок и старались подражать им во многом. Правда, у нас был и свой быт: свои церкви, клубы, библиотеки, театры. Были свои рестораны, магазины, дела, делишки. Но это для общения, для взаимной поддержки, чтобы не потеряться в этой стране.

Весь Монмартр кишел русскими. Вся эта публика группировалась около ресторанов и ночных дансингов. Одни служили гарсонами, другие метрдотелями, третьи на кухне мыли посуду и т. д., потом шли танцоры – «дансэр де ля мэзон», или «жиголо» по-французски, молодые люди, красивые, элегантно одетые, для танцев и развлечения старых американок, потом артисты, певцы, музыканты, балетные танцоры, исполнители лезгинки, молодые красавицы грузины в черкесках, затянутые в рюмочку, потом цыгане, цыганки, цветочницы, зазывалы, швейцары, шофёры».

– Я вспоминаю те времена, – рассказывал старый генерал своей внучке в люксовом номере ведомственной гостиницы КГБ, – идёшь по улице в Ницце, все приподнимают шляпы, кругом только и слышно: «сударь», «извольте», «покорнейше благодарю». Очень хорошо, достоверно и полно жизнь «белой» эмиграции отражена в романах Михаила Булгакова «Белая гвардия», «Чёрное море» и «Бег». Кстати, Орли, помнишь, лет пять назад мы смотрели с тобой художественный фильм «Бег» по мотивам его произведений? Ну, ... в кинотеатре «Аврора»? Вспоминай, ... Ты помнишь генерала Романа Хлудова в исполнении Владислава Дворжецкого? Между прочим, у него был реальный прототип – это генерал-лейтенант белой армии Яков Александрович Слащёв, или, как его называли Слащёв-Крымский, отличавшийся невероятной жестокостью на Южной Украине и в Крыму. Амнистированный, в ноябре 1921 он вернулся в Россию и служил в Красной Армии, будучи преподавателем курсов «Выстрел». Слащёв подписал обращение к офицерам врангелевской армии, призывая их «разоружиться» и вернуться в Россию. Он был застрелен на своей квартире в 1929 году, ... тёмная история, вероятно, кто-то отомстил ему.

А яркая роль генерала Черноты в исполнении Михаила Ульянова, а? Помнишь, его диалог с Парамоном Корзухиным «... нет, так вот в кальсонах по Парижу», а-ха-ха-ха! Как тебе? И у него был прототип – это генерал Сергей Улагай, герой русско-японской и Первой мировой войн, ... похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

Нужда, Орли, пожалуй, это самое верное определение, характеризующее моё и их положение в те времена. Вот, послушай, очень трогательные строки стихотворения неизвестного автора. Они характеризуют атмосферу взаимоотношений русских эмигрантов в те далёкие годы:

«Куда прикажете, мадмуазель?
Конечно, знаю, восемь лет в Париже
Прошу простить, я не могу быстрее...
И тут жандарм не подпускает ближе

Вы мне как кость бросаете слова
И Вам французский не родной, ручаюсь
Сквозь дым вуали серые глаза
Блестят во тьме, сдержать слезу пытаюсь

В чём Ваша грусть? Поведайте, прошу
Нам полчаса до синема на Сартр
А Вы опять – я вовсе не грущу
Сквозь сизый дым с цветочным ароматом

Уже ли был я с Вами неучтив?
Почто Вам лгать безвестному таксисту?
Лишь голову слегка к плечу склонив
Вы улыбнулись кратко и лучисто

– Уже ль месье читает по глазам?
Поверьте, ложь месье почуять может
Так в чём печаль, мадмуазель?
– Мадам! И пусть она Вас больше не тревожит!

Мон дьё, мадам, знакомые слова
Мы, может, зря язык себе ломаем?
Меня здесь называют Николая
А при крещении звали Николаем...

Как Вас зовут? Да полноте молчать...
У нас одна душа, и грусть похожа...
А Вы, с тоской «к чему Вам это знать...»
И тихий плач... и холодок по коже

По тормозам... оставить чёртв руль...
Платок со вздохом протянуть – Возьмите
– Простите, Николай... меня там ждут
– Не ждут Вас там... прощаю, и не лгите

Толпятся дамы возле Синема
Ваш силуэт угадываю тонкий
В чём ваша грусть? Что осень холодна?
Какая там мадам... совсем девчонка!

Быть может, Ваша кончилась любовь?
Иль вспомнили Москву, подружек... маму?
Я вышел... вой клаксона... Чёрт с тобой!
И сделал вид, что увлечён программой

– Простите... Вы не сходите...со мной?
– Бьян сюр, мадам! Премного благодарен!
– По-русски, Коля... Вы сегодня – мой
– Навеки Ваш, коль так угодно даме!

Рассвет... улыбка на твоих губах
И волосы каскадом разметались
А может, я прошёл весь этот Ад,
Чтоб мы вчера с тобою повстречались?»
(«Парижский таксист» mikhael-mark.livejournal.com)

... старый генерал на время замолчал, задумался. Но, потом вновь оживился и мысленно вернулся в тот жаркий июльский день 1924 года.

..◆..◆..◆..◆..

Сейчас голова усталого человека склонилась на грудь. Глаза были закрыты. Ранний подъём в шесть часов утра и работа до полудня, сделали своё дело. Сон его был глубок, но чуток. Сказывалась давняя, выработанная годами, привычка военного. Поэтому громкий окрик:

– Шофёр! (фр. Chauffeur) –

Моментально выдернул Артемьева из полусна. Он встrepенулся, вскочил. Среднего роста плотный мужчина с густой щёткой аккуратных усов, одетый в светлый, кремовый костюм, нетерпеливо оглядывал посетителей летнего кафе, выискивая взглядом водителя «Рено».

– здесь шофёр, месье! Сию минуту.

Сергей сел на водительское место и полуобернувшись к пассажиру осведомился на русском языке:

– куда прикажете, Ваше Превосходительство?

Пассажир, собравшийся было уже отдать распоряжение, куда ехать, в изумлении застыл.

– так, куда поедет, Ваше Сиятельство, Алексей Алексеевич? –

Артемьев полностью обернулся к графу Игнатьеву, а это был именно он, некогда военный атташе, или, как тогда называли военного агента России во Франции, граф Алексей Алексеевич Игнатьев!

– не узнали, Ваше Превосходительство? – на графа смотрели лукаво-весёлые глаза молодого мужчины.

– постойте-постойте, ... Вы ... – граф вытянул руку по направлению к водителю, – не может быть! ... Ведь Вы – Артемьев, да? Штабс-капитан Сергей Николаевич Артемьев? Это Вы?

– к Вашим услугам, граф! Честь имею!

– господи боже мой, какими судьбами?! Как? Почему? Вы, и таксист! ...

– Ничего удивительного граф. Нужда-с, знаете ли, ... сейчас многие из наших таксистами тут работают.

– голубчик Вы мой, Вас сама судьба мне послала. Нет, ну надо же! Артемьев – в Париже. Всё, Сергей Николаевич, едем. Я Вас мобилизую на службу во имя Отечества. Всё-всё-всё. Даже не спорьте со мной. Поверьте, обижены не будете. Жалование Вам положу уж, во всяком случае, поболее, нежели Вы имеете. Едем. По дороге всё расскажу.

Впервые судьба свела графа Игнатьева и Сергея Артемьева во время русско-японской войны в 1905 году. Тогда молодой подпоручик 2-го Сибирского корпуса 1-й Маньчжурской армии Артемьев доставил в Штаб генерала от инфантерии Линеви́ча Николая Петровича ценного «языка» – майора японской армии, захваченного «командой охотников» (так тогда называлась фронтовая разведка) во время глубокого рейда по тылам японцев. Молодой поручик добровольцем входил в состав той команды, состоящей из опытных казаков-пластунов. При-

нимал у него «языка» капитан разведывательного отделения Штаба граф Игнатъев. Тогда-то молодые люди и познакомились. Молодой, умный и храбрый офицер сразу же понравился уже опытному разведчику Алексею Игнатъеву. Граф как раз в то время формировал штат разведывательного подразделения 1-й Маньчжурской армии. Поэтому, не взирая ни на какие возражения подпоручика, по ходатайству Игнатьева Артемьев приказом по армии был переведён в распоряжение штаба Линевица, а конкретнее, – в разведку. Кстати, тем майором, которого «добыли» пластуны оказался никто иной, как майор императорской армии Хачиро Мидзуно, один из ближайших помощников руководителя всей тайной японской разведывательной сети на Дальнем Востоке профессионального разведчика Фуццо Хаттори. За этот подвиг подпоручик Артемьев получил свой первый Георгиевский крест из рук самого командующего Линевица Н.П.

Друзья и, теперь уже коллеги, Артемьев и Игнатъев вместе, плечом к плечу, участвовали в кровопролитном Мукденском сражении, когда, фактически, благодаря грамотным действиям командующего Линевица части 1-ой Маньчжурской армии в полном боевом порядке отступили от Фушани к Телину, две же другие русские армии оказались в мешке в районе Мукдена. В том сражении подпоручик получил тяжёлое ранение и, за проявленную храбрость и героизм, в арьергардных боях, ему был пожалован орден «Святой Анны 4-й степени». Знак сей прикрепляется к темляку на эфесе шашки, а темляк заканчивался круглым красным помпоном, получившим на армейском жаргоне название «клюква». Несмотря на такое, казалось бы, шутовское жаргонное словечко «клюква», русские офицеры, получившие «Анну» на эфес, очень гордились такой наградой.

Фото из открытых источников Сети, права на которое никем не заявлены

На этом его война закончилась, и Сергей Николаевич был эвакуирован в госпиталь Читы. После войны Игнатъев не терял из виду Артемьева. Опять же, по его ходатайству, геройский офицер, георгиевский кавалер после излечения был направлен в распоряжение контрразведывательного отдела при Главном Штабе в Санкт-Петербург. Именно ему, теперь уже штабс-

капитану, Игнатъев «передал на связь» агента Алексея Арцыбашева в ходе операции «Северное Сияние» во время Великой войны (смотри 1-ю часть дилогии «Операция «Северное сияние»»).

..◆..◆..◆..◆..

Артемьев привёз Игнатъева в его квартиру на набережную Бурбон, д 19, что находилась в IV округе Парижа на острове Сен-Луи по реке Сене, где граф проживал со своей женой Натальей Трухановой.

В тот день бывшие однополчане, коллеги и друзья Артемьев с Игнатъевым далеко за полночь засиделись в небольшой гостиной в скромной парижской квартире генерала. Их воспоминания скрашивала уже третья бутылка отличного красного сухого «Бордо» (Bordeaux).

Сергей рассказал о своих перипетиях, о том, как он оказался в Париже вместе с семьёй Арцыбашевых.

– Как! И Алексей Арцыбашев здесь? – удивился граф, – как он? Как там мой крестник? Как поживает? Вы поддерживаете отношения? – оживился Игнатъев

– здесь-здесь он. Ведёт жизнь благополучного парижского буржуа. Недавно удачно женился и «родил» первенца. От дел с Блерио он полностью отошёл. Проживает нажитое. Пока средств им с женой хватает. Да и то, ...она француженка, богатая наследница из зажиточной семьи. Так что, у него всё благополучно.

Далее Сергей Николаевич поведал генералу некоторые, неизвестные тому подробности прошедшей удачной операции «Северное сияние»:

– кстати, Алексей Алексеевич, Вас с Арцыбашевым тогда в 1914 году боши-таки выследили. Зафиксировали ваши контакты на рю Гренель, 79. Фон Кнабенау оказался более коварным и предусмотрительным, нежели Вы полагали...ну да ладно, то дела давно минувших дней...как Вы сами-то?

Генерал-майор Игнатъев посерьёзней. Отставил в сторону бокал с вином и глядя прямо в глаза Артемьеву произнёс:

– Сергей Николаевич, прежде чем я попрошу Вас о содействии, я хотел бы знать Ваши ...Нууу, как бы это правильнее выразиться, ...скажем, Ваше отношение к эмиграции, к тем людям, ... беженцам из России. Как Вы вообще, – граф выразительно широким жестом взмахнул рукой – оцениваете обстановку, настроения? Не возникают ли у Вас мысли о возвращении на Родину?

– Алексей Алексеевич, по правде говоря, ... – Артемьев, отставив в сторону свой бокал и вполне серьёзно, с грустью проговорил, – мысли такие действительно посещают меня, и в последнее время всё чаще. Но, как? Каким образом это возможно? Не нарушив присяги Государю, не желая участвовать в братоубийственной гражданской войне, я бежал из России. Вернуться туда, это значит признать власть красных, смириться с тем, во что они превратили мою страну. Поэтому, ... даже не знаю, честно говоря.

– постойте-постойте, Сергей Николаевич, а во что, собственно, они превратили Россию, как Вы изволили выразиться? ... Как заявил их лидер, Ульянов-Ленин, большевики просто подобрали власть. И он нисколько не шукавил, говоря: «Власть валялась под ногами, нужно было просто взять». Большевики действительно подобрали то, что бросило в грязь Временное правительство. Судите сами, не большевики выдумали и допустили безобразия с этими, так называемыми, не ко сну будут помянуты, «солдатскими комитетами», с этими идиотизмом – выборностью командиров. С обсуждениями приказов, с решениями, сражаться или нет, наступать или отступать. Это всё случилось, как раз, при Керенском, при Временном правительстве. Большевики же напротив, не допустили развала армии. Железной, безжалостной рукой восстановили дисциплину.

И потом, мой друг, неужели Вы действительно полагаете, что серая, солдатско-крестьянская орава была способна разгромить белые армии и иностранных интервентов самостоятельно, без должного грамотного руководства опытных командиров?

– всё это так, Алексей Алексеевич, скорее всего, Вы правы. Но на стороне «белых» сражались мои вчерашние друзья, однополчане, товарищи по юнкерскому училищу. И их было очень много.

– а с чего, Сергей Николаевич, позволю Вас спросить, Вы взяли, что Ваши товарищи, дворяне, благородные господа офицеры были только на стороне «белых»? Люди были разными, в том числе и дворяне тоже были разными. И офицеры по своей социальной принадлежности тоже были разными. Поэтому кто-то добровольно служил в Красной армии, кто-то даже вступил в партию большевиков. Кому-то это пришлось сделать в силу обстоятельств или даже насильно. Другим выпала доля служить в силах Белого движения. Я исхожу из того, что в любом случае все офицеры того времени служили интересам России. Только, к сожалению, они по-разному понимали эти интересы. И реальная жизнь развела их по разным сторонам. Они вынуждены были с оружием в руках сражаться друг против друга.

..◆..◆..◆..◆..

– вот так, моя девочка, граф был прав. Уже сейчас, с высоты времён, стало известно, что в Красной армии служило 75 тыс. бывших офицеров, в то время как в Белой – около 35 тыс. из всего 150-тысячного корпуса офицеров Российской империи. Одно только это уже в корне опровергает все утверждения ненавистников советской власти о «кровавых» большевиках, уничтоживших якобы весь «цвет русской нации».

Антон Иванович Деникин, кстати, честный офицер и настоящий патриот России, отказавшийся в годы Второй мировой войны сотрудничать с нацистами, утверждал:

«Позволю себе не согласиться с мнением, что большевизм явился решительной причиной развала армии: он нашёл лишь благодатную почву в систематически разлагаемом и разлагающемся организме».

Уже тогда, как контрразведчик, я понял, его превосходительство, граф Игнатъев, вёл со мной, ни много ни мало, а вербовочную беседу. Он вёл психологическую обработку, твоего слуги покорного, одновременно следя за моей реакцией. Уже тогда я сообразил, что граф, вероятнее всего, работает на Советы. Но, поскольку, его мысли и соображения относительно большевиков и их роли в становлении новой России были мне близки, я особенно и не сопротивлялся. Мне даже стало любопытно, чем же всё это закончится.

..◆..◆..◆..◆..

А Игнатъев, тем временем продолжал убеждать Артемьева, -

– ... начальником штаба Верховного главнокомандующего большевики назначили генерал-лейтенанта императорской армии Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевича. Именно он возглавил вооружённые силы Республики в самый тяжёлый для страны период.

В 1918 году была учреждена должность главнокомандующего всеми Вооружёнными силами Советской Республики. Первым на эту должность был назначен Сергей Сергеевич Каменев (не путать с Каменевым Л.Б., которого затем вместе с Зиновьевым Г.Е. расстреляли). Кадровый офицер, он закончил академию Генштаба в 1907 году, был полковником императорской армии. С июля 1919 года ни одна операция сухопутных и морских сил Советской Республики не обходилась без его непосредственного участия. Начальником штаба у него был Павел Павлович Лебедев, потомственный дворянин, генерал-майор императорской армии».

– а возьмите большевистский флот, господин Артемьев, – это вообще аристократическое заведение. «Вот перечень его командующих в годы Гражданской войны: Василий Михайлович Альтфатер (потомственный дворянин, контр-адмирал Императорского флота), Евгений Андреевич Беренс (потомственный дворянин, контр-адмирал Императорского флота), Александр Васильевич Немитц (анкетные данные точно такие же). Да что там командующие,

Морской Генеральный штаб Русского ВМФ практически в полном составе перешёл на сторону советской власти, да так и остался руководить флотом всю Гражданскую войну.

Как ни странно, но на стороне красных оказались, и морская разведка вкупе с контрразведкой. А капитан 1-го ранга Модест Иванов, герой Порт-Артура, принимавший участие в обороне Порт-Артура в 1904 году, получивший в 1907 году из рук царя золотую саблю с надписью «За храбрость», возглавил Морское ведомство. Звание адмирала ему присвоили большевики с формулировкой «за преданность народу и революции»».

(«Дворяне Российской империи-костяк офицерского состава РККА или Об ещё одной либеральной лжи» topwar.ru)

Воспользовавшись секундной паузой в пространном монологе Игнатьева, Артемьев решил его слегка «подначить», дав понять, что он тоже профессионал и понимает, куда направлены потуги графа.

– Алексей Алексеевич, а позвольте-ка Вас спросить, откуда Вы всё это знаете, да ещё в таких подробностях, с именами, фамилиями, назначениями... Вы что, получаете эту информацию напрямую, из Москвы? – сделал удивлённое лицо, с улыбкой спросил Артемьев.

– то есть, как это, ...напрямую из Москвы? – Обескураженно перевёл взгляд на vis-à-vis граф, – что Вы имеете в виду, Сергей Николаевич? Дерзить изволите, сударь? – глаза его сузились, в них появился стальной блеск, предвестник предстоящей бури.

– простите, бога ради, Алексей Алексеевич, некоем образом не хотел Вас обидеть. Да, наверное, неуместная шутка. ...Я только хотел сказать, к чему, ещё раз простите, весь этот пафос в Вашем монологе? Меня, собственно говоря, агитировать не надо. Я и так весь Ваш, – рассмеялся, разряжая готовую вот-вот взорваться, атмосферу Артемьев, – Вы подтвердили, нет, неправильно выразился, ...скорее, укрепили меня в моих размышлениях о судьбах страны. Раз народ пошёл за большевиками и выбрал их власть, значит на то – воля божья! И, как говорится, аминь! Я готов сотрудничать с Вами. Можете на меня полностью рассчитывать. Ей-богу, Ваше сиятельство, – и протянул Игнатьеву руку. – Давайте же, рассказывайте, чем я могу Вам помочь?

Генерал с чувством пожал руку товарища. Ещё раз пристально посмотрел на штабс-капитана и поведал ему следующее:

– в годы минувшей войны правительство, помимо моих основных функций, как военного атташе, возложило на меня ещё обязанность по закупке в странах Антанты для нужд русской армии военного снаряжения и вооружения. Но поскольку события тех лет принимали тенденцию непредсказуемого развития, то в верхах было принято решение, вопреки обычного порядка в таких случаях, открыть мне личный счёт и перевести на него деньги.

Артемьев со всё большим интересом и напряжением на лице слушал генерала.

... На мой счёт в «Банк де Франс» было переведено 225 миллионов золотом (сегодня эта сумма составила бы 2 миллиарда рублей!!!)

Артемьев не удержался и в изумлении воскликнул, –

– 225 миллионов, ...золотом?!!! Невероятно! И что? Вы до сих пор можете ими свободно распоряжаться, граф?

– вот в том-то всё и дело, что да, Сергей Николаевич. Именно что могу полностью ими распоряжаться. И для себя я принял решение, ...передать эти деньги России. Они принадлежат не мне, а стране, как бы это пафосно, как Вы изволили выразиться, не звучало.

Решение это далось мне трудно. Скрывать не буду. Вот Вы, Сергей Николаевич, с иронией меня спросили, откуда у меня такая точная информация о честных генералах и адмиралах, русских офицерах? Не из Москвы ли я её получаю?

– Ваше превосходительство, ещё раз прошу, да простите Вы дурака. Богом заклинаю, простите. Неудачная шутка, ...признаю, – молитвенно сложив руки на груди, воскликнул Артемьев.

Игнатъев, между тем продолжал:

– ...так вот, я очень внимательно отслеживал ситуацию в стране, следил за развитием событий. Нет-нет, не в том смысле, что ждал, чья сторона возьмёт верх. В победе большевиков я не сомневался. Я видел, как они «железной рукой» правят бал. Я понял ещё в 1918 году, что народ выбрал их, и они несомненно победят. Я искал выход на них, ... на их полномочного представителя. Используя своё положение военного атташе, через свою агентуру я дал им понять, что готов с ними сотрудничать и передать все деньги, что были на моём счету. Попросил встречи с их эмиссаром.

Сергей Николаевич, ещё раз, голубчик, то что я Вам рассказываю, – это абсолютно секретно и только потому, что я Вам полностью доверяю и в Вашей порядочности не сомневаюсь.

Ну так вот, я получил известия из России, что со мной встретится, некто, Феликс Доманский. Встреча была назначена, а потом и состоялась в Швейцарии, точнее, в Лугано в октябре 1918 года. Доманский был никто иной, как комиссар ВЧК Феликс Дзержинский. Он прибыл в Лугано инкогнито. По легенде, официально для своих же в Москве, он отбыл за границу, якобы, на лечение и для встречи со своей семьёй. В сентябре 1918 года в Швейцарии открылась советская дипломатическая миссия. Первым секретарём её назначен некий Брайтман. Секретарём миссии он пристроил туда Софью Мушкат, супругу Дзержинского. Вот с этой легендой он туда и прибыл.

На встрече с высокопоставленным красным комиссаром мы оговорили все тонкости передачи денег. Решили, что прямо так, немедленно передавать деньги нельзя. Во-первых, это вызовет ненужный ажиотаж в банковской сфере. Вчерашние союзники по Антанте могут устроить провокации и, наверняка, будут чинить всевозможные препятствия. Согласитесь, сумма-то значительная. Во-вторых, не буду скрывать, я был озабочен вопросами безопасности своей семьи. За себя-то я не боюсь, я солдат, офицер. Ну, не Вам мне это рассказывать. Вы же знаете, трусом я никогда не был. Я опасался и опасаясь за жизнь супруги, за свою Наташеньку.

Поэтому договорились, что будем ждать благоприятного момента. Оговорили вопросы связи. Ну вот, где-то так. Я от Вас ничего не скрыл.

Артемьев про себя усмехнулся:

– ну да – ну да, как же, всё он мне рассказал...

Как профессионал, разведчик он понимал, что не только вопрос возврата денег волновал шефа секретной службы молодой, Советской России. Дзержинский наверняка знал о миссии графа Игнатьева в качестве военного атташе Российской империи во Франции, о том, что в качестве резидента, он управлял обширной сетью агентуры за рубежом. Вот эта-то агентура и нужна была ВЧК. «Советы» отчаянно нуждались в информации о деятельности белой эмиграции за рубежом и возможности противодействия и нейтрализации её реваншистских устремлений с помощью агентуры влияния, которая наверняка имела у бывшего военного атташе Российской империи.

«В том, 1924 году генерал-лейтенант П.Н. Врангель, формально сохранявший звание главнокомандующего Русской армией, создал «Русский общевоинский союз» (РОВС), объединивший под своим началом большинство военных организаций. Основная цель, которую преследовал РОВС – создание широкого и боеспособного военно-политического движения за рубежом. Надежда на реванш в борьбе с большевиками никогда не снималась с повестки дня для белогвардейцев. Ещё с лета 1921 г. командование Русской армии, заручившись согласием правительств Королевства Сербов, Хорватов, Словенцев (Югославии) и Болгарии, начало переброску уцелевших боеспособных частей в эти страны».

(«Русская военная эмиграция» nashahistory.ru)

Поэтому информация о замыслах белогвардейцев, возможных акциях, провокациях и диверсиях была крайне необходима советским спецслужбам. И в этом вопросе как раз и могла бы помочь агентура Игнатьева. Это было очевидно. И на той секретной встрече Игнатьева и Дзержинского, о которой граф сообщил Артемьеву, наверняка этот вопрос затрагивался. И судя по пафосному монологу Его превосходительства, скорее всего, он обещал Дзержинскому своё содействие.

Все эти мысли одномоментно промелькнули в голове Сергея Николаевича, ну а вслух он произнёс:

– чем же я могу быть полезен, Ваше превосходительство?

– Сергей Николаевич, повторяю, сейчас я в первую очередь озабочен безопасностью жены. Вокруг себя я отмечаю какое-то нездоровое копошение, суету. Я зафиксировал слежку

за домом, собой и женой. Когда я это заметил я приказал Наташе не выходить никуда из дома. Нанял охрану, из французов. Но, сами понимаете, это люди ненадёжные. Полностью полагаться на них я не могу. И наша встреча – это просто дар небес. Сам Господь ниспослал Вас.

Голубчик, надо бы что-то придумать и куда-нибудь спрятать госпожу Труфанову. Это единственное слабое звено, потянув которое, они смогут на меня воздействовать. Со мной же, пока только я имею доступ к деньгам, ничего плохого случиться не может. А деньги им очень нужны. Кто ко мне только не обращался, это были, и эмиссары барона Врангеля, и Деникина. В начале 1920-го меня посетил известный террорист Борис Савинков, возглавлявший контрреволюционную организацию «Народный союз защиты Родины и свободы». Так он прямо так и потребовал передать ему эти деньги. Я отказал всем. Ведь я только лишь часовой при денежном ящике, а эти деньги принадлежат русскому народу.

Артемьев слегка поморщился от пафосного окончания рассказа графа. Ему всегда претили возвышенные слова о ДОЛГЕ, ЧЕСТИ, РОДИНЕ, ЛЮБВИ. Это были всего лишь слова. Слова, правда, правильные, но произносить их вслух лишний раз всеу, по мнению Сергея, не следовало. Терялся, девальвировался их истинный, глубинно-духовный смысл.

– Алексей Алексеевич, я полностью в Вашем распоряжении. Надо подумать, как обезопасить Вашу супругу. Очевидным видется одно – ей нельзя оставаться в этом доме. Исходя из того, что Вы мне сообщили, это не безопасно. Думается мне, что нам понадобится помощь нашего друга Алексея Арцыбашева, его связи. Если Вы не возражаете, я подключу его к этой операции, не раскрывая, естественно, все карты. ... Ну так как? Согласны?

Игнатьев молча расхаживал по гостиной, размышляя над предложением Артемьева. Наконец, приняв решение, согласился:

– хорошо, Сергей Николаевич, подключайте Алексея.

Когда Артемьев добрался к себе домой на Rue de Compiègne, где он на пару с бывшим есаулом Всевеликого войска Донского Степаном Демченковым снимали угол за умеренную плату, часы штабс-капитана показывали 10 часов утра. Ночь он провёл в квартире графа Игнатьева, но спал там недолго. Не более трёх часов (за разговорами с генералом ночь пролетела незаметно). Поэтому хотел сейчас прилечь на часок, заодно и обдумать предстоящий разговор с Арцыбашевым.

Есаул, как и Артемьев «таксовал», но, поскольку его «боевой конь» сломался и в настоящее время находился в ремонте, он в это позднее для таксистов время, находился дома и скучал лёжа в одежде на продавленном клоповном топчане. В комнате царил духота. А отворить окно и проветрить помещение было решительно невозможно, так как комнату сразу же наполняли шумы, лязг и грохот близкого Северного вокзала. Да и бесполезно это было делать, так как в эти летние дни духота на улице была примерно такой же, как и в их помещении, а смрад близкого грузового депо был, пожалуй, даже похуже.

Поэтому Сергей, буркнув приветствие, прошёл к своему месту в углу за ширмой и, как был в одежде, плюхнулся на продавленную койку, отозвавшуюся на такое варварское к ней отношение жалобным громкими звуками и стонами старых, изношенных пружин. Не прошло и пяти, а может десяти минут, Сергей только-только провалился в тёмное забытие, как из-за ширмы раздался громкий бас есаула:

– Артемьев, а Артемьев! Ты ещё не спишь? –

Сергей очнулся и непонимающим взором уставился в старый, в трещинах и разводах потолок, соображая, где он и что с ним.

– ...эй! Штабс-капитан, слышь, что говорю, тут тобой интересовались вчера.

Сна как не бывало. Сергей резко поднялся и отдёргнул ширму.

– кто интересовался, Степан Григорьевич? – с тревогой спросил он.

– да были тут вчера двое, ... поздно, часов в 10 вечера припёрлись. Я только-только принял чарку на сон грядущий, собирался было уже укладываться, как эти двое пришли... по виду, из наших. Выправка охвицерская, только вот лица ... я насмотрелся на таких на фронте... такие морды были только в контрразведке... глаза пустые, колючие. Взгляд злой. – Продолжал, лёжа лениво басить есаул, – такие ставили комиссаров к стенке пачками, опасные люди, скажу я тебе Артемьев. Где ты успел перейти им дорогу? Всё интересовались, кто ты, да что ты. Чем живёшь-дышишь, да куда ходишь...

– ну, а ты, Степан Григорьевич?

– а что я? – хохотнул здоровый пятидесятилетний казак, – я послал их подальше и выставил за дверь. Только ты, Сергей, ты это, ... будь с ними поосторожнее. Я же говорю, опасные люди...

– спасибо, есаул, – с чувством произнёс Артемьев. Я Ваш должник.

– Аааа, да чего там, сочтёмся...

Сна как не бывало. Усталость тоже испарилась. Тревожное чувство, охватившее Сергея, разом мобилизовало всё его существо. Времени на раскачку не было...

– быстро, ... быстро, однако они вычислили меня, ... ах, да, конечно же, ... машина. Они по номеру вычислили владельца. А дальше, наверняка, связи в полиции, ... и вот вам адрес, получите и распишитесь, как говорится. Оперативно работает контрразведка РОВСа, ничего не скажешь. Очень оперативно... – мелькали мысли в голове Артемьева.

Штабс-капитан метнулся к дальней стене комнаты и резким движением сдёрнул большое покрывало, прибитое к стене. За ним открылась старая, дверь, наглухо прибитая гвоздями к косяку.

Есаул, закинув за голову руки, лёжа на спине, с любопытством наблюдал за действиями своего товарища. Он перестал гонять из угла в угол рта пустой папиросный мундштук, широко осклабил и со смехом спросил:

– Шо, Сергей Николаевич, обходной манёвр, да? –

Артемьев с сомнением рассматривал дверь. Он подёргал её за ручку, но та даже не шелохнулась. Дверь, причинявшая постояльцам изрядное беспокойство холодными осенними и зимними Парижскими вечерами, и ночами, из-за того, что из широких щелей постоянно сквозило, теперь оказалась как нельзя кстати. Пошарив глазами по комнате и не найдя подходящего предмета, Сергей перевёл взгляд на казака –

– помог бы, что ли, станичник, а?

– ну, это мы з́араз... – есаул неторопливо встал, заглянул за спинку своего топчана и, протянув руку и вытащил сапожницкую «ногу». Подкинув её на руках, он неспешно подошёл к двери, внимательно оглядел её, примерился, затем просунул носок «ноги» в щель между дверью и косяком, подцепил, надавил и ... дверь с натяжным скрипом распахнулась.

Широки жестом он пригласил Артемьева вглубь открывшегося проёма:

– извольте, Сергей Николаевич, прошу ...

Пропустив штабс-капитана вперёд, есаул последовал за ним вниз по лестнице со второго этажа к «чёрному входу» наружу, который также был заколочен. У двери, отстранив Артемьева, он надавил на дверь плечом, и та, соскочив со ржавых гвоздей, распахнулась наружу.

– Вы свободны, штабс-капитан! – пророкотал пожилой казак. – Вот что, Артемьев, ... двери, ... я их просто прикрою, заколачивать не буду. Вдруг, Вам придётся таким же путём, «огородами», так сказать, обратно возвращаться, – рассмеялся есаул.

– спасибо, Степан Григорьевич, – с чувством пожал руку казаку Артемьев, – я всё потом объясню, ... позже.

– та ладно, ... чего уж там. Вы, всё-таки поосторожнее с ними, Сергей Николаевич, говорю же, опасные люди, ... нехорошие.

Пробежав по захламлённому двору и перемахнув через высокий каменный забор, Сергей оказался на улице. Отряхнувшись, он осмотрелся и заспешил в сторону Северного вокзала Парижа.

Уже через два часа Сергей Николаевич «на перекладных» добрался до Вожирара, XV округа Парижа. Соблюдая меры предосторожности от возможной слежки, он подошёл к дому на rue Viala, в пятикомнатной квартире которого проживала семья Арцыбашевых.

К счастью, Алексей оказался дома. Он сам открыл дверь Артемьеву и с изумлением уставился на друга

– Сергей, ты?! Какими судьбами, дружище? – С широкой улыбкой на лице Алексей распахнул объятия навстречу Артемьеву, – проходи же скорее, ...проходи, – посторонился он, пропуская внутрь Сергея.

– что случилось? Почему так неожиданно? ...Да, впрочем, какая разница, мы с Абель всегда рады тебя видеть. Она сейчас с ребёнком, занята, а ты проходи, – обнимая друга за плечи, он подталкивал Артемьева вглубь комнат.

..◆..◆..◆..◆..

Уже час, как старые товарищи беседовали в большой, богато обставленной гостиной гостеприимной квартиры Арцыбашевых. Контраст по сравнению с нищей, убогой обстановкой «конуры», в которой ютился Артемьев, был разительным. Сергей поначалу даже слегка растерялся. Он отвык и давно забыл, что такое комфорт. Но доброжелательное, душевное гостеприимство старого товарища сыграло свою роль, и он постепенно освоился. Немаловажную роль здесь сыграла и традиционная русская водка, небольшой графинчик которой Алексей незамедлительно выставил, как только они расположились за столом.

Ни в коем случае нельзя было говорить о том, что старый, верный друг забыл штабс-капитана. Алексей постоянно при каждой встрече настоятельно и искренне приглашал Сергея поселиться у него:

– поверь, старина, денег у меня достаточно. Хватит на всех. Ты даже сможешь не работать, а просто наслаждаться жизнью. Давай! Перебирайся к нам. Абель тоже благоволит к тебе и не будет против. Я с ней уже обсуждал это.

Но всякий раз Арцыбашев натывался на гордое, упрямое, категорическое «НЕТ». Для дворянина, офицера Артемьева это было принципиально. Он не желал быть обузой и жить, как он сам когда-то определил такое существование, в качестве «приживалки». Поэтому в Париже друзья жили каждый своей жизнью. Артемьев «в поте лица своего добывал хлеб насущный», а Алексей Арцыбашев просто наслаждался заслуженным, как он считал, комфортом. Виделись они редко, не более трёх-четырёх раз в год.

Последний раз до этой встречи они встречались только на Пасху, когда после службы в православном соборе Александра Невского на улице rue Daug, Алексей, буквально силой затащил Сергея к себе домой.

И вот сейчас, несколько расслабленный парами алкоголя и роскошной, комфортной обстановкой, Артемьев перешёл к сути того, ради чего он оказался в гостях у друга.

Он кратко поведал о своей встрече с генерал-майором Игнатьевым. Не раскрывая сути всего, рассказал, что тот находится в большой опасности и просит друзей помочь, обеспечив безопасность его супруги.

Алексей не перебивая выслушал Артемьева. Когда тот закончил, с лёгкой усмешкой поинтересовался:

– уж, не из-за казённых ли денег разгорелся весь этот сыр-бор? А, Артемьев? Не темни, рассказывай, ...не из-за них ли его преследуют? – глаза Арцыбашева, теперь уже поручика контрразведки, прямо-таки буравили друга.

Русские в Париже у собора Александра Невского на улице rue Daru (*фото из открытых источников Сети, права на которое никем не заявлены*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.